

Антонова Катерина
Тел. 8(908)637-12-93
E-mail: katerinakoshk@gmail.com

Ковчег

Пьеса

ТАМАРА, 75
ЛИДА, 40
ГЕРМАН БОРИСЫЧ, 55
ТАНЯ, около 30
ВАЛЯ
САНТЕХНИК

Картина 1

Вечер. Квартира в двухэтажном восьмиквартирном полурасселенном доме, нелепо приткнувшемся на окраине небольшого городка. Прихожая, комната, дверь в санузел – старенькое, обветшавшее, пропахшее корвалолом и прошлым веком. Обои местами выцвели. На окне горшок с геранью. На столе – фотографический женский портрет в рамке с черной лентой и подсохшая звезда в стакане. Шкафы, набитые всем, чем можно. У некоторых шкафов открыты дверцы, и из них выглядывают стопки постельного белья, какие-то коробки, кофры, книги, корзинки с клубками вязальных ниток и прочая старушечья дребедень. На спинке колченого дивана рядом сидят косомордые мягкие игрушки откровенно китайского производства вперемешку с советскими плюшевыми. На сиденье дивана – огромная мягкая собака с поблекшей и поникшей от времени шерстью. В комнате трое – ЛИДА, ГЕРМАН и ТАМАРА. Они неспешно разбирают шкафы, рассматривают вещи. На полу стоит открытая клетчатая сумка. Герман листает книги, стоя возле этажерки. Горит верхний свет.

ТАМАРА. Сколько всего Симка за жизнь накопила, надо же. А всё говорила – денег у нее нет. Как нет, если столько барахла-то?

ЛИДА. Да тут половину барахла вы ей и натащили, Тamarочка Степановна.

ТАМАРА. Я?

ЛИДА. Не я же. От меня тут только герань на подоконнике.

ТАМАРА. Это потому, что ты скупая. От тебя снега зимой не допросишься, Лидка, а я к Симе всегда со всей душой. Вот помнишь ботики, схоронили в которых? Тоже я дарила.

ЛИДА. Потому что вам они по размеру не подошли. Насмотритесь своего магазина на диване, а потом не знаете, куда хламье тащить. Вот и раздариваете ерунду всякую. Это вот что такое?

ТАМАРА. Яйцerezка.

ЛИДА. Яйцerezка?

ТАМАРА. Яйцerezка.

ЛИДА. Орудие пыток какое-то. В руки страшно брать.

ТАМАРА. А ты и не бери. Я дарила – я и заберу. Серафиме всё равно уже без надобности, царствие небесное (*убирает яйцerezку в клетчатую сумку*). Как в шестьдесят восьмом въехали сюда, так душа в душу прожили. Бывало, швабру возьму, в потолок стучу, мол, приходи, Серафима, чай пить, и она мне так же, только сверху.

ГЕРМАН. А мне по батарее долбите.

ТАМАРА. А вы бы, Герман Борисыч, дискотеку свою гоняли меньше – так не долбила бы.

ГЕРМАН. Я по утрам зарядку делаю, Томочка. Мне, можно сказать, музыка жизненно необходима для поднятия боевого духа. Тем более, по закону право имею с восьми утра до десяти вечера, так что обвинения ваши беспочвенны.

ЛИДА. Просто Тamarочка Степановна думает, что она тут вроде управдома.

ТАМАРА. В каком смысле «вроде»? Тут пять квартир жилых осталось. Кому-то же надо за порядком следить.

ГЕРМАН. Четыре.

ТАМАРА. Чего?

ГЕРМАН. Четыре квартиры. Серафима Витольдовна нас покинула, так что фактически ее жилая площадь жилой уже не считается.

ЛИДА. Как вы всё верно подмечаете, Герман Борисыч. Считай, второй этаж – всё, пустой. Теперь нам на первом Тamarочка Степановна вообще покоя не даст. Тирания начнется. Не вздохнуть, ни, простите, пёрднуть – всё под надзором.

ТАМАРА. Заговорила. Смотри-ка, а? Сыкуха. Без году неделя живет, а еще права качает. Да если бы не мы с Серафимой – тут уже развалилось бы всё давно. Мы с ней рука об руку пороги обивали. Думаешь, нам козырек над подъездом просто так, со щедрот администрации? Да мы за него бились! До главы района дошли!

ЛИДА. Я сыкуха, значит?

ТАМАРА. Сыкуха.

ЛИДА. А ничего, что живу тут пятнадцать лет?

ТАМАРА. Ты мне тут в уши-то не дуй. Четырнадцать. Как в две тыщи восьмом мать Федькина померла – так ты сюда и въехала. Так что не надо.

ГЕРМАН. Тамара Степановна! Постыдились бы. И вы, Лида. Раз пришли – давайте дело делать, а не разборки на пустом устраивать.

ТАМАРА. Так а мы что? Вон, Лидка как усердствует – уже все простынки Симины упаковала.

ЛИДА. Так-то я Вале. Серафима Витольдовна сама ей отдавала всякое – то одеяло, то еще что.

ГЕРМАН. Сама-то Валенька где? Не пришла что-то.

ТАМАРА. Так у ей сериал сейчас.

ЛИДА. Понимала бы что... А туда же.

ТАМАРА. Ну, не говори-ка. Валька раньше к Симе ходила, так они вместе смотрели. Серафима ей разжует, кто там с кем, та и рада. Я как-то сижу, слышу – воняет. Захожу к Валухе – у нее на плите суп уже в рагу горелую спёкся, а она сидит, в телик выпырилась, по подбородку течёт. Думаю, может, с ней сидеть? А то так и погореть недолго.

ЛИДА. Погорим – и хорошо.

ГЕРМАН. Вы что, Лидушка, говорите такое?

ЛИДА. Какое, Герман Борисыч? Погорим – квартиры дадут. Или вам в развалюхе жить нравится?

ТАМАРА. Ага, дадут. Разбежались давать. Роняя тапки.

ГЕРМАН. У некоторых условия даже хуже бывают. В нашем Доме творчества сторож работает. Он после капремонта домой две списанных трубы унес. Я думал, хоть так для чего, мало ли, а он мне говорит: «потолок подопру». Потолок у Людей падает, Лида!

ЛИДА. А у нас трубы каждый год рвет и стены все в трещинах.

ТАМАРА. А мы с Серафимой думали – выбьем козырек, можно и капремонт просить. Не успела Симушка. Одну меня оставила с бюрократией этой валандаться.

ГЕРМАН. Так мы с Лидой поможем. Соседи же.

ЛИДА. Я не буду. Я расселения жду, а не капремонта, ясно вам? Мне снится уже, как вся эта халупа рушится. Вот честное слово, сплю – мимо кирпичи эти щербатые летят, а с неба человек из администрации спускается и ключи мне от новой однушки дает.

ТАМАРА (*смеется*). Размечталась.

Раздается утробное гудение канализационных труб. Все замирают, прислушиваются.

ТАМАРА. Валька в уборную сходила.

ЛИДА. Мне кажется, или гудит сильнее, чем обычно? Как бы не рвануло. Я обои в прошлом месяце только поменяла. Опять всё заново клеить, если рванет.

ГЕРМАН. А вы на гвозди пробовали? Я на гвозди прибиваю, так когда топит – всё на месте.

ЛИДА. Да ну вас, Герман Борисыч. Вы уже просто веру потеряли. С домом этим срослись.

ГЕРМАН. А как не срастись – сколько живу. Кстати, сколько, Тамарочка?

ТАМАРА. Тридцать пять годиков. Считаю, юбилей нынче.

ГЕРМАН. Точно, как после армии жилье получил – так и живу, не жалею.

ЛИДА. А вы что, Герман Борисыч, с книгами возитесь сегодня? У вас своих – в прихожей даже стоят, а всё мало. Лучше бы, вон, посуду взяли, а то едите, как в брежневской столовке, с алюминия.

ГЕРМАН. Мне пицца духовная как-то ближе.

ТАМАРА. Да заначки он Симины ищет. Вон, каждый томик перетряхивает, любитель словесности.

ГЕРМАН. И не стыдно, Тамара Степановна? Полжизни бок о бок живем, как подумать-то такое можно? Это, простите, даже возмутительно как-то!

ЛИДА. Вы не слушайте её, Герман Борисыч. Сама вон уже полную сумку набрала всякого.

ТАМАРА. А ты в мою сумку нос свой не сувай! Я к Серафиме ближе всех вас была. Я, можно сказать, наследница! Ты вон, Лидка, тоже, смотрю, себе отложила.

Тамара подходит к кучке разномастных вещей, сложенной возле Лиды, пытается рассмотреть. Та ей мешает, пытаясь загородить всё собой.

ГЕРМАН. Наследница... Наследница. Послушайте, дамы, а и правда. Кто наследник-то? Квартира Симушкина кому достанется?

Тамара и Лидка оборачиваются на Германа. Пауза.

ТАМАРА. У Симы родственников нет. Почитай, как мужа еёного на стройке в семидесятом рельсой прибило, так всё. Бобылиха.

ЛИДА. Значит, государству.

ТАМАРА. Нужна больно государству однушка в аварийном доме, как же. Подождут, пока мы тут перемрем все, да и снесут, а на месте дома кинотеатр построят или еще что.

ЛИДА. Сейчас кинотеатры не строят, Тамарочка Степановна. Сразу торговые центры с парковками. Там вам и кино, и магазины. А зимой – каток.

ТАМАРА. Каток в помещении прям, что ли? Не растает?

ЛИДА. Там технологии какие-то.

ГЕРМАН. Может, сироту какую поделят. Что вы сразу.

ТАМАРА. Не надо нам сирот. Вальки хватает.

ЛИДА. Будто кто вас спросит.

ГЕРМАН. Я думаю, что из уважения к памяти Серафимы Витольдовны мы не можем допустить, чтобы ее вещи достались каким-то незнакомым людям.

Пауза. Присутствующие переглядываются, потом деловито, с удвоенным упорством начинают перерывать шкафы, комоды, стеллажи, ящики, полки, переставлять коробки, корзинки, рассматривать статуэтки, вазочки, двигать мебель. Кучки отобранных вещей растут и ширятся.

ТАМАРА. А слона этого Серафима из Ялты привезла. Я еще удивлялась, на кой ей громадина такая? Лучше бы персиков ящик притащила, как нормальные люди.

ЛИДА. Тамара Степановна, герань заберите.

ТАМАРА. Ты тащила – ты и забирай, куда мне?

ЛИДА. На подоконник поставите. У меня своей растительности, как в джунглях.

ТАМАРА. Я слона поставлю, он хоть не воняет так.
ЛИДА. Сами вы... Герань по фэньшую – это цветок благополучия и долголетия.
ГЕРМАН. Давайте я герань заберу.
ТАМАРА (*указывает на игрушки*). А этих куда?
ЛИДА. Этих точно на помойку. Жуткие. Или вам надо?
ТАМАРА. Мне – нет.
ГЕРМАН. Так Валюше отдадим, они ей всегда нравились. Особенно собачка эта, как там её Серафима называла?
ЛИДА. Жорж.
ГЕРМАН. Бизе? Помпиду? Дантес? Хотя нет, Дантес – тривиально как-то...
ТАМАРА. У нее еще при Андропове собака Жоржик была. Она головой промеж велосипедных спиц попала, так Сима потом три года спать не могла.
ЛИДА. Тамарочка Степановна!

Картина 2

Тот же вечер. Та же квартира в двухэтажном полурасселенном доме, нелепо приткнувшемся на окраине небольшого городка. Шкафы уже стоят полупустые, пол уставлен сумками, мешками, тюками. Между ними затесалась герань в горшке. Герман с закатанными рукавами стоит посреди комнаты на табурете с отверткой в руках, не зная, с какой стороны подступиться к пыльной хрустальной люстре. Внизу – Тамара и Лида.

ГЕРМАН. А вы уверены, что люстру тоже?..
ЛИДА. Снимайте, Герман Борисыч, это же сейчас дефицит. Ретро, можно сказать! Я ее в наш кружок юных цветоводов унесу и там повешаю.
ТАМАРА. А что это – ты? Может, мне тоже она нужна!
ЛИДА. А вам куда? У вас и так в каждой комнате по люстре.
ТАМАРА. Будто у тебя в кружке люстр нет!
ГЕРМАН. Дамы, я не электрик! Я хором руковожу в Доме творчества!
ЛИДА. Таких – нет! У нас плафоны с рябинами уродскими.
ТАМАРА. У вас какой кружок? Юных цветоводов! Вам рябины по статусу положены, а не хрусталь чехословацкий.
ЛИДА. Рябины – это не цветы!
ГЕРМАН. Дамы, тут провода!
ЛИДА. Снимайте, Герман Борисыч!

Раздается бряцанье ключей, звук открывающейся двери в прихожей. На пороге комнаты появляется ТАНЯ. Она молча смотрит на присутствующих. Пауза. Где-то в недрах дома снова гудят канализационные трубы.

ТАНЯ. Здравьете.
ЛИДА. Добрый вечер.
ГЕРМАН. Это что получается? Еще сорок дней не прошло, а к нам уже... сироту?
ТАМАРА. Старовата для сироты.
ГЕРМАН. Тамара Степановна, не хамите незнакомому человеку.
ТАМАРА. Она, значит, нас грабить пришла, а вы мне предлагаете ей реверансы танцевать? Совсем уже со своей воспитанностью чокнулись, Герман Борисыч.
ТАНЯ. Это еще кто кого грабит! Мужчина, слезайте с табуретки! И оружие уберите!
ТАМАРА. Не убирайте, Герман Борисыч, она агрессивная. Лидка, звони в милицию!
ТАНЯ. Да я сама сейчас позвоню, не беспокойтесь! Мужчина, слезьте вы уже! Хватит мне своими телесами мою мебель ломать! Она трещит под вами!

ТАМАРА. В каком смысле «твою» мебель?

ТАНЯ. Мою – значит мою, бабуля. Квартира моя, значит и мебель в ней тоже моя. И вот это всё, что вы собирались отсюда вытащить – моё, так что оставьте манатки и покиньте помещение, иначе я и правда милицию позову. Еще и скажу, что отверткой мне угрожали.

Герман крутит головой по сторонам, смотрит на отвертку в своих руках и отбрасывает её на пол.

ЛИДА. Девушка, квартира не ваша, а Серафимы Витольдовны. А мы все – ее соседи с первого этажа, мы тут вещи покойной разбираем, так что если вам администрация квартиру отдала, то это не по закону, еще даже сорок дней не прошло.

ТАНЯ. Никакая администрация мне ничего не отдавала.

ТАМАРА. Тем более! Лидка, звони в милицию, я говорю, с аферисткой будем еще цацкаться.

ТАНЯ. Алё, бабуля! Я собственник.

Таня вынимает файл с каким-то документом и, держа его на весу, показывает присутствующим. Герман, Лида и Тамара наклоняются к нему, Тамара пытается взять в руки, но Таня отодвигает листок.

ТАНЯ. Руками документы не трогаем! Так, мадам, вы тут самая молодая, значит, зрячая. Читайте. Что написано?

ЛИДА. «Удостоверение на право собственности...»

ТАНЯ. Вы ниже, ниже.

ЛИДА. «Никитина Татьяна Павловна...»

ТАНЯ. Это я.

ЛИДА. «...далее именуемая «Собственник».

ТАНЯ. Достаточно. Всё, товарищи соседи, на выход.

В недрах дома снова раздается гудение, но какое-то особенно сильное, даже тоскливое, а потом резко обрывается.

ТАНЯ. Это что?

ГЕРМАН. Канализация. Дом старый, сами понимаете, коммуникации ни к черту.

ТАМАРА. В прошлом году был, так весь первый этаж дюрьмом залило, до сих пор воняет по ночам.

ТАНЯ. А почему только по ночам?

ТАМАРА. Потому что днем Валя из второй квартиры щи варит, и на весь подъезд капустой воняет. А по ночам – дюрьмом.

Пауза.

ТАМАРА. Это как это? Не было у Симы родственников. Я ее с шестьдесят восьмого знаю... Знала.

ТАНЯ. Плохо знали. Внучка я её. А что вы смотрите? Вы думаете, соседям вообще всё о личной жизни рассказывают? Ага, как же. Документы видели? Моя это квартира, по закону. Ясно? Мне её бабуля еще до смерти отписала, автограф ее стоит. Давайте, граждане. Мне еще кульки ваши распаковывать, обживаться... Еще скажите спасибо, что я на вас заявление писать не собираюсь.

ГЕРМАН. Позвольте, а за что же...

ТАНЯ. За попытку ограбления. Влезли на чужую жилплощадь, вещи вынести пытались.

ЛИДА. После покойников всегда...

ТАМАРА. Мы ведь так... На память.

ТАНЯ. На память полквартыры?

Таня рассматривает кучи вещей, лежащих на полу. Поднимает горшок с геранью, сует его в руки Тамары. Большую фарфоровую статуэтку слона из Ялты дает Лиде. Немного подумав, берет с дивана огромную плюшевую собаку Жоржа и вручает Герману.

ТАНЯ. Ну, всё. Считайте, у каждого сувенир от Серафимы Витольдовны. Всего доброго.

Герман, Тамара и Лида медленно, в абсолютном молчании продвигаются к выходу из комнаты. Раздается хлопок входной двери. Герман, Лида и Тамара останавливаются. На пороге комнаты появляется ВАЛЯ. Она в халате с мокрым подолом и в резиновых сапогах, волосы стянуты в сальный хвостик, на лице гримаса ужаса. Она мычит, машет руками.

ТАНЯ. Еще соседка? Вам тоже сувенир от Серафимы Витольдовны?

ГЕРМАН. Это Валенька наша.

ЛИДА. Инвалид детства.

ТАМАРА. Её в семь лет бешеная кошка с энцефалитом покусала.

ТАНЯ. Повезло мне с соседями. Приятно познакомиться. Таня. Новая соседка ваша. Возьмите, Валентина, вон ту вазочку, и тоже на выход. Хватит? Ну, хотите, еще книжку подарю (*берет первую попавшуюся*). Вот. «Сказки народов Севера».

ГЕРМАН. Вы, Танечка, простите, что встречаю, но мне кажется, Валя взволнована.

ВАЛЯ. М-м-м-м! Аэ-э-о!

ТАМАРА. Опять суп сожгла, пока сериал пырила?

ВАЛЯ. Нэ-э-о-а...

ЛИДА. Горим, Валь? Горим, да? Скажи, что горим!

ВАЛЯ. Ыы-о-э!

ТАМАРА. Валюха просто тоже возмущена, что эта краля на Симину жилплощадь метит. Да ведь, Валь?

ВАЛЯ. М-м-м!

ТАМАРА. Говорю же. Герман Борисыч, берите Жоржа. Хоть что-то нам от Симушки нашей останется... Валь, руками машешь, как вентилятор прям.

ЛИДА. Меня сомнения терзают какие-то смутные.

ТАНЯ. Давайте вы всё это за дверью обсудите, а? Говорю еще раз: площадь мне очистили.

Соседи переглядываются, открывают дверь на лестничную клетку. Одновременно выглядывают.

ТАНЯ. Скатертью дорожка.

Герман с игрушечной собакой, Тамара с геранью, Лида со слоном и Валя некоторое время смотрят на лестничную клетку. Потом снова втягиваются в прихожую, ставят «сувениры» куда придется. Тамара открывает обувной ящик, достает оттуда несколько пар тапочек, бросает каждому под ноги.

ТАМАРА. Ладно, хоть не дюрьмо, как в прошлом годе. А то бы опять воняло.

ЛИДА. Сколько можно-то! Обои жалко.

ТАМАРА. Тебе сказали же: на гвозди надо было.

ГЕРМАН. Хлещет, как из брандспойта.

ТАНЯ. А... Что? Граждане, я не поняла, вы что делаете? Это... Это моя квартира! Документы есть! Идите отсюда!

ТАМАРА. Не поняла она.

ЛИДА. Ну, пусть привыкает.

ТАНЯ. К чему я должна привыкать? Вы что устроили, а? Даже если... даже если вы до этого ходили здесь без проблем, так теперь всё. Я сейчас реально милицию вызову!

ГЕРМАН. Да какая милиция, Танечка? Все свои. Вы аварийку лучше вызывайте.

ТАМАРА. У Симы на обоях где-то был номер записан.

Соседи ведут себя, как дома. Моят руки, Лида на кухне ставит чайник, Валя на диване воркует что-то плюшевому Жоржу, Герман отодвигает тюки, мешки и коробки к стенам, стол вытаскивает поближе к дивану, Тамара возвращает герань на подоконник.

ТАНЯ. Какую аварийку? Вы вообще о чем?

ТАМАРА. А ты сама глянь.

ТАНЯ. Куда?

ТАМАРА. А на лестничную клетку глянь.

Таня идет в прихожую, выглядывает за дверь, быстро возвращается.

ТАНЯ. Там... Там же вода!

ТАМАРА. Ну.

ЛИДА. Год не топило, так я обрадовалась, на клей приклеила, думала, всё, отмучились, а вот сейчас снова.

ТАМАРА. Ты, Лидка, спасибо скажи, что не дюрьюмом топит, а водой. В прошлом-то годе вон что. И хорошо, что водой, хоть воньку всю смоег.

ТАНЯ. Слушайте, Герман... Как вас там? Борисыч. И вы, Лида. У вас вообще нормально всё? Вы чего такие спокойные-то?

ТАМАРА. А что такое?

ТАНЯ. Так потоп!

ГЕРМАН. Ой, Танечка, да дело-то привычное, каждый год вода хлещет. Я уже и телевизор под потолок переставил. Вы знаете, у нас тут коммуникации совсем...

ТАМАРА. Херовые у нас коммуникации.

ГЕРМАН. Спасибо, Томочка. Вот мы всем первым этажом, когда топит, сюда идем. Там топит, а мы в тепле и уюте аварийку ждем. Вы знаете, мы к этому... Ну, философски, что ли. Раньше, конечно, жалко было, а потом пообвыклись как-то, попритёрлись. Человек – он ко всему привыкает. Тем более, Серафима Витольдовна нас спасала. Даже тапочки всем купила. Добрейшей души женщина была ваша тётушка. Вы не переживайте, Танечка. Аварийка приедет, потоп отсосут, и мы к себе. Сушиться, так сказать.

Таня еще раз идет в прихожую, выглядывает на лестничную клетку, возвращается в комнату. Валя всё так же обнимает плюшевую собаку. Тамара курит в открытое окно, Герман листает какую-то книгу, взятую с этажерки. Лида поливает герань из крохотной леечки.

ТАНЯ. Реально по пояс уже или даже по грудь. Так, граждане, все внимательно слушают меня! Мы сейчас вызываем неотложку.

ТАМАРА. Аварийку.

ТАНЯ. Да какая разница? Они приезжают, отсасывают потоп, и вы все возвращаетесь в свои квартиры! Ясно? Бабуля, здесь не курят!

ТАМАРА. Кому бабуля, кому Тамара Степановна! Я тут с шестьдесят восьмого живу! Не указывай мне тут. Нарисовалась и командует, сыкуха!

ТАНЯ. Тамара Степановна, гасите свою козью ножку и отойдите от окна, а то я вас из лейки потушу. Если уж вы вторглись на частную территорию, будьте добры следовать правилам!

Не курить! Вещи не трогать! Сидеть на диване и не отсвечивать! Где, говорите, у Серафимы был номер записан?

Картина 3

Та же квартира, та же комната. Вокруг стола расселись Герман Борисыч, Тамара и Валя с огромной плюшевой собакой Жоржем. Лида разливает чай. Таня говорит по мобильному телефону.

ТАНЯ. Алё, девушка! Мельникова, пять беспокоит. Я говорю: Мельникова, пять! У нас прорыв! Про-рыв!

ТАМАРА. Ага, будто мы их еще по какому поводу когда-то звали.

ТАНЯ. Да откуда же я знаю, где конкретно?

ЛИДА. По-любому, Тamarочка Степановна, у вас рвануло. Вечно вы в унитаз напихаете всякого.

ТАМАРА. А что сразу «Тамарочкаа»? В прошлом годе у Германа Борисыча было. Он суп прокислый в каналью слить пытался.

ТАНЯ. Приезжайте сами и сами ищите, я не Ихтиандр там плавать.

ГЕРМАН. А в позапрошлом Валя на трубе качалась.

ТАНЯ. В смысле «по возможности»?

ТАМАРА. Разбежались. Тапки роняют.

ТАНЯ. Девушка, вы тут еще? Алё! *(отключает вызов, обращается к присутствующим)* Долго вы их ждете обычно?

ТАМАРА. А куда им спешить? Пятница, ночь уже. Небось, они дома борщ с салом жрут и программу «Время» смотрят. В прошлом-то годе дюрмо хлестало, так они и то только через шестнадцать часов припёрли. Еще и нас обругали, мол, в халабуде живем, их нервирuem.

ЛИДА. А вы скажете, не правы они, да? В халабуде и живем. Я бы вообще на их месте не поехала никуда. Пусть бы топило. Пусть бы смыло разруху эту.

ГЕРМАН. Как это «смыло»? Куда?

ЛИДА. Хоть куда, Герман Борисыч. В речку какую-нибудь. В пруд городской, который засранный сто лет уже. Да хоть в канализацию, к супу вашему прокислому и хламью ТamarСтепановнинуму. Так жить невозможно уже.

ГЕРМАН. Лидушка, вы всё обои свои жалеете?

ЛИДА. Я жизнь свою жалею. И вам советую.

ТАМАРА. Завела. Запела, ага. Всё ей живётся плохо, дом наш хаает, а мужа-то свела в могилу.

ЛИДА. Вот не начинайте тут только. Будто не знаете, как я по Федьке убивалась.

ТАМАРА. Как есть за квадратные метры и свела.

ВАЛЯ. У-у-а-ы-ы!

ТАНЯ. Женщины, успокойтесь уже. Отсталая ваша на нервах, а вы тут отношения выясняете. Еще обоссется мне тут, химчистку кто оплатит? Мы неотложку дождемся, и уже потом хоть Санта-Барбару вашу, хоть Рабыню Изауру, вот хоть что, только не здесь, не в моей квартире.

ТАМАРА. Аварийку. И это не твоя квартира, а Серафимина.

ТАНЯ. Ага, с чего тут баня-то упала? У меня документы.

ГЕРМАН. С развитием печатного дела в России таких документов можно сейчас понаделать...

ТАМАРА. Пучок за пятачок! Вот что ты сюда заявилась, что? Тебя и не звал никто! Чужая!

ТАНЯ. Как это «не звал»? Да Серафима Витольдовна сама и звала! Квартиру мне отписала. Мне! А кому надо было? Может вам? Или вам? Или, может, вам, а? Вы ей кто? А я кровь родная. Внучка!

ТАМАРА. Не было у нее никого! Я с ней с шестьдесят восьмого года, у нее из родни – муж, рельсой прибитый, да собака – и ту велосипедом убило! И ведь тебя даже на похоронах не было. Не пришла, за ручку Симу не подержала, к лобику не приложилась. Мы все были, были! Герман Борисыч на трубе играл, в Доме творчества своём попросил, чтобы как следует проводить. Лидка в кружке цветов из горшков нарезала. А я плакала, как следует, чтобы знала Серафима, что соседи её родненькие ей ближе всех были до последней минуточки. А тебя там и близко не заметили.

ТАНЯ. Потому что работаю я. Сутки через сутки работаю, понятно вам, бабуля? Или как вас там, Тамара Степановна? В больнице работаю, в приемнике, и сутки через сутки таких, как вы, с того света вытаскиваю! А такие, как вы, Тамара Степановна, вместо благодарности только варежку свою престарелую открывают. И с документами у меня всё в порядке, там русским по белому, и подпись Серафимы стоит, так что не надо мне тут истерик. Где хотите, там и проверяйте, вот только никто вам этого сделать не даст, потому что там чистенько, а вы – никто, никто – соседи с первого этажа, и Серафима вам – не муж, не жена и даже не любовница, чтобы консультироваться, кому свою жилплощадь оставлять!

Тамара открывает рот, желая что-то возразить, однако ее прерывает ледящее душу гудение откуда-то из недр дома, большие похожее то ли на стон, то ли на рык умирающего зверя. Фотографический женский портрет, стоящий на столе, падает изображением вниз. Все замирают, даже Валя отвлекается от Жоржа и смотрит на стол.

ТАНЯ. Как трубы гудят, ужас просто. Это же надо звонить куда-то. Кошмар, ночью так проснешься – копыта с перепуга откинуть можно.

ЛИДА. А это не трубы.

ТАНЯ. В смысле?

ТАМАРА. Повисли! Не трубы это, тебе говорят.

Снова раздаётся гудение, еще громче, еще тоскливее.

ГЕРМАН. Я руковожу хором в Доме творчества. У меня слух исключительный. Когда трубы, то звук ниже, вот такой: «у-у-у»... А здесь не так. Здесь «у-у-о-у». Тональность не та.

Тамара поднимает фотографический портрет, рассматривает.

ТАМАРА. А я знаю. Это Сима к нам вернулась.

ГЕРМАН. Вы мистифицируете, Томочка.

ТАНЯ. Я бы сказала: маразматизирует.

ТАМАРА. Сорок дней не прошло. Она здесь еще, сорок дней покойники по земле ходят, покоя ищут. Сима, ты здесь? Сима-а-а!

Тамара встает, обходит комнату по кругу, то и дело стуча в стены.

ТАМАРА. Сима, ты здесь?

ВАЛЯ. А-у-у-э-ы!

ЛИДА. А я говорила, что не надо пока вещи Серафимины трогать.

ТАМАРА. Сима, ты зачем пришла? Ты скажи, Сима, ты мне всегда всё рассказывала, мы же с тобой с шестьдесят восьмого душа в душу, Сима! Ты скажи, из-за квартиры?

ТАНЯ. Герман. Как вас там? Борисыч! Вы тут по виду самый адекватный, вы скажите ей уже!

ВАЛЯ. М-м-ы-э-а!

ГЕРМАН. Тамара Степановна, прекратите вы свои хождения по мукам! Не надо в стены стучать!

ТАНЯ. Герман Борисыч, дорогой, хоть кто-то здесь нормальный...

ГЕРМАН. Ясно же всё! Сима не в стенах!

ТАМАРА (*останавливаясь*). А где?

ГЕРМАН. В Вале!

Таня стонет, закрывая ладонями лицо.

ГЕРМАН (*берет Валю за плечи, разворачивает к себе*). Серафима, ты здесь?

ВАЛЯ. У-у-у?

ЛИДА (*начинает шарить по мешкам и котомкам, вытаскивает несколько простыней, начинает вязать импровизированный канат*). Да пошли вы все. Психи. Долбанутые. То дерьмо хлещет, то духи приходят. Всё. Нет моего терпения больше. Я хоть в окно вылезу, хоть на крышу, пусть меня оттуда снимают, а с вами больше нельзя, пусть халупа эта сгорит, пусть смоет её вместе с вами. А я в администрацию пойду. К мэру. К президенту приду в приемную, на пол лягу и буду лежать, пока мне квартиру в новостройке не дадут...

ТАМАРА. Ага, как же. Держи карман.

ГЕРМАН. Серафима, ответь мне! (*трясет Валю за плечи, её голова мотается из стороны в сторону*). Серафима! Это жестоко, Серафима! Валенька же совсем как ребенок, никакого ментального сопротивления... Я смотрел телевизор, там говорили. Юродивые – это проводники, а Валя у нас инвалид детства, её в семь лет бешеная собака с энцефалитом покусала!

ТАНЯ. Кошка.

ГЕРМАН. Чего?

ТАНЯ. Кошка! Тамара Степановна сказала, что кошка это была! Бешеная, с энцефалитом! (*пытается оторвать руки Германа от Вали*). Да вы ей голову оттрясите, экзорцист! Отпустите уже! И так дурдом устроили, еще только мокрухи не хватало!

Тане удается отпихнуть Германа, она гладит Валю по голове, дает в руки плюшевую собаку Жоржа. Потом встает, отбирает у Лиды вязанку из простыней, подходит к окну, снимает с подоконника герань, пытается открыть заклеенное на осень окно.

ТАНЯ. Так. Это ни в какие ворота уже. Приперлись, как к себе домой! От потопа они спасаются, видите ли! Духи у них! Я сама сейчас в окно вылезу. В ЖКУ пойду, сама за ноздри аварийщиков приведу, чтобы отсосали всё здесь, а потом милицию с батюшкой – вас выкуривать, психи, психи, психи, уроды ненормальные. На вас не аварийка нужна, а реально неотложка, на всех сразу. Одна Валя-дебилка вменяемая, сидит, никого не трогает! Первый раз в жизни свою собственную квартиру заимела, думала – заживу, думала, кусок счастья в кои то веки упал. По общагам намыкалась. Тут еще хлеще! Коммуна! Секта!

У Тани получается отклеить одну из двух рам. Она вытирает со лба пот. Пытается отдышаться.

ТАНЯ. Значит, так, граждане. Ждать меня с аварийкой! Призраки им тут мерещатся. Психи вы все, ясно?

ТАМАРА (*тихо*). Борисыч... Где она, грит, работает?

ГЕРМАН (*тихо*). Я могу ошибаться, но, кажется, в больнице.

ТАМАРА (*тихо*). А, ясно, ясно... Врачи – они да.

Раздается стук в окно.

ТАНЯ. Я не поняла.

ЛИДА. Так Сима что, не в Вале?

ГЕРМАН. Тамарочка, где у Серафимы библия лежала?

ТАМАРА. А я говорила, что надо было елку за гробом бросать. Симке-покойнице ноги не кололо, вот и вернулась. Но вам же деревья ломать было жалко...

Таня делает несколько шагов в сторону окна, но за ней бросается мычащая Валя, обнимает за ногу, не пускает. Стук повторяется.

ВАЛЯ. Мм-ы-э-н-эээ!

ТАНЯ. Да пусти меня, дура, я посмотрю! Пусти!

Наконец, у Тани получается освободиться. Валя, мыча, заползает под стол, туда же утягивает собаку Жоржа. Таня делает шаг к окну, медлит. Берет стоящий в углу веник, подходит к окну, выглядывает.

ТАНЯ. Нет никого... Я что-то не понимаю.

ТАМАРА. Держи карман. Так она тебе и показалась сразу вся.

ЛИДА. Когда мой Федя умер, ко мне голубь в окошко стучался. Дранный весь, потрепанный, но глаза умные, как у Феденьки. Я так думаю, что это дух его прилетал со мной попрощаться.

ТАМАРА. Ну, если драный – то точно Федька.

ГЕРМАН. Ну зачем вы, Тамара Степановна, снова начинаете?

ТАМАРА. А я что? Я, в принципе, с Лидкой согласна, что бывает всякое. Тут еще до вас всех в четвертой квартире Таисия жила. У нее сестра была, Дуська. Они как-то раз купаться на горпруд ушли, а вернулась только старшая. Там разбираться долго не стали, несчастный случай, подводные течения, всё такое. А я еще молодая была, с танцев возвращаюсь, смотрю – у Таисиного окна что-то белое шарашится. Я сначала подумала, что простыню с веревки у кого унесло, а ближе подхожу – итить твою, Дуська! Младшая, значит. Стоит белая-белая, мокрая такая, аж лужа натекла, и рукой в Таськино окно царапается. Меня заметила и пропала, как не было, а через пятнадцать лет Таисия в собственной ванне утонула. Сказали – инфаркт, но я-то знаю, что это Дуська до нее добралась и отомстила.

ЛИДА. Никуда отсюда не уйти, господи... Дом этот проклятый держит нас всех, не пускает от себя. Ненавижу. Ненавижу. Даже когда Федя живой был – всё равно ненавидела, потому что здесь ссыльные одни живут, кому места среди нормальных нет. Умиравшие живут, только умереть не могут, одна Сима смогла. И то вернулась, плохо ей, всем тут плохо...

ТАМАРА. Ты за себя говори, Лидка. Я в этом доме...

ЛИДА. С шестьдесят восьмого!

ТАМАРА. С шестьдесят восьмого, и мне никуда не надо больше, ни разочка не хотелось вот даже!

ЛИДА. А мне хотелось, Тамарочка Степановна, я каждую ночь спала и видела, как я в новостройке чай на кухне пью, и не гудит ничего! Да я же здесь слышу, когда кто в сортир ходит! Слышу кашель этот ваш дребезжащий за стенкой. За другой Валька мычит. Обои, как дура, клею, чтобы поприличнее оно всё было, чтобы не скатиться совсем, как вы все. И не деться никуда от вас, потому что халупу здесь продать – шансов нуль, дырка бубличная. Кто сюда поедет? Сюда так просто не попадешь, ссыльные вы! Ссыльные!

Откуда-то снизу, с первого затопленного этажа, раздается унылое стенание, какой-то грохот, потом снова стенание, тонкий писк и прочие странные звуки. Все присутствующие, не сговариваясь, ныряют под стол. Места всем не хватает, начинается тихая потасовка, мелькают ноги, руки, морда огромной плюшевой собаки по имени Жорж,

кто-то кого-то выпихивает. Чей-то механический голос под столом говорит «I love you». Все выскакивают, вжимаются в стены и друг друга. Из-под стола показывается Валя в обнимку с Жоржем, который, как заведенный, повторяет: «I love you», «I love you». С каждой фразой звук искажается – видимо, садятся батарейки. Наконец, Жорж замолкает.

Картина 4

Тот же полурасселенный дом с затопленным первым этажом. Та же комната. К двери, ведущей из комнаты в прихожую, придвинут книжный стеллаж, вдоль него – ровная дорожка рассыпанной по полу соли. Соль и на подоконнике. С расклеенного окна лохмотьями свисает вата и оторванный вместе с кусочками краски бумажный скотч. Стол сдвинут в центр комнаты, он стоит в меловом круге, жирно начерченном на полу. На столе – фотографический женский портрет, рядом с ним валяется окончательно погибшая звезда и стоит зажженная сувенирная свечка в виде елочки с блестками. На диване рядом сидят Герман, Валя с Жоржем, Тамара, Лида. Сбоку на табурете – Таня. Время от времени раздаются звуки: гудение, стенание, писк, скрипы, шорохи и т.д.

ТАНЯ. То есть, я приехала в свою квартиру.

ТАМАРА. Я бы поспорила!

ТАНЯ. Я. Приехала. В свою. В свою, Тамара Степановна, квартиру. В первую за тридцать лет жизни собственную жилплощадь. Тут хоть херовое всё, старое, но свое. Я обживусь, думала. Выкину всё и новое куплю. Ремонт сделаю. Бутылочку шампанского купила. Вон, в рюкзаке. Думала – приеду, сяду, как человек. А у меня тут посреди квартиры соседи имущество экспроприируют. Их в дверь – они в окно. А потом прорвало у них.

ГЕРМАН. Так каждый год рвёт. В этом ладно ещё, вода.

ТАМАРА. А в прошлом году...

ТАНЯ. Теперь вот Серафима Витольдовна.

ЛИДА. У нас, наверное, групповые глюки. Мы надышались канализационными выхлопами и просто бредим.

ГЕРМАН. И правда, пахнет чем-то.

ТАМАРА. Так знамо, чем. Дюрьмом и серой. Так всегда, когда блуждающий дух рядом, я читала и в телевизоре видела. Если пришла – значит, мучает ее что-то, обратно к месту тянет. Может, обида какая. Сима! Си-и-има!

ЛИДА. Да хватит уже блажить, и без вас тошно! Если она нас всех здесь... того?

ГЕРМАН. Серафима была добрейшей женщиной, она никого никогда не... того.

ЛИДА. Так она тогда живая была, а сейчас мертвая. Мало ли, что духу в голову взбредет. Нужно что-то предпринять. Может, ей что-то не нравится? Ну, может, блузку не ту в гроб надели, или что?

ТАМАРА. Так у Симы с 85-го года был комплект на всякий случай собран, вот туточки лежал, в шкафе. Его и надели.

ЛИДА. А если у нее вещь какая-то любимая была, которую она с собой забрать хотела? Знаете, бывает, очки в гроб кладут, или, там, книжку.

Присутствующие поворачиваются к огромной плюшевой собаке, которую обнимает Валя. Под взглядами Валя еще сильнее сжимает игрушку, и механический изломанный голос внутри Жоржа говорит: «I love you».

ТАМАРА. Не влез бы.

ГЕРМАН. И думать нечего.

ЛИДА. А я говорила. Сорок дней не прошло еще, не надо было идти Симины вещи разбирать, пусть бы лежали. Так нет же, Тамарочка Степановна, у вас руки-крюки ваши

чесались, как бы нахапать побольше и побыстрее хламья всякого, будто своего мало. Ходили, небось, пока Серафима еще живая была, высматривали, что отхватить. Страшно было после покойницы одной идти? Нас поволокли? Грехи решили поровну поделить, как шмотки? Будто я не знаю, что вы Симу обхаживали. На квартиру ее метили, да, Тamarочка Степановна? Метили-метили, я по глазюкам вашим белёсым вижу.

ТАМАРА. Никуда я не метила.

ЛИДА. Метили-метили.

ТАМАРА. Кто бы говорил! Сама-то!

ЛИДА. А что я?

ТАМАРА. Душегубка ты ботаническая, вот ты кто.

ТАНЯ. Тамара Степановна, скандалы и интриги ваши вообще сейчас ни в звезду, ни в Красную армию. Вы, вообще-то, не у себя дома.

ТАМАРА. Ага, будто весь двор не в курсе, что Федька еёным гербарием траванулся, а Лидка на его метрах осталась.

ЛИДА. Вы мне тут не приписывайте!

ТАМАРА. Травок твоих запарил и кони двинул.

ЛИДА. Да он гербарий с чаем перепутал!

ТАМАРА. Еще на меня тут бочку катит, отравительница техасская. Да ты нового хахаля привела – года не прошло. Стены тонкие, все ваши ахи-трахи слышала. Блядища.

ЛИДА. Я блядища?

ТАМАРА. Ты, ты.

Лида вскакивает, хватая с ближайшей полочки палку с ладошкой на конце, спину которой чешут, угрожающе выставляет в сторону Тамары. Та тоже вскакивает, озирается, готовится защищаться.

ТАНЯ. Да они мне квартиру разнесут и не заметят... Герман Борисыч, разнимайте!

ГЕРМАН. Тамара Степановна! Лида! Мы тут все интеллигентные люди. Лида, сделайте Тамаре скидку на возраст, а вы, Томочка, сами-то. Стыдно должно быть.

ТАМАРА. Я? А что я?

ГЕРМАН. Вы ко мне на прошлой неделе пришли уже после программы «Время», прилично это?

ТАМАРА. Я всего-то соли хотела занять!

ЛИДА. Соли, как же. Думаете, не видно, что вы, Тamarочка Степановна, нашего Германа Борисыча ко греху склонить хотите? Я вот всё через глазок вижу. Встанет перед дверью, пальтишко свое драное поправит, кошку распушит на воротнике, и стучится.

ВАЛЯ. У-у-у-у.

ТАМАРА. Я? Ко греху? Да он сам! Он к Симе ходил просто так, думаешь, чаю попить?

ТАНЯ. Так. Хорóш. Мне ваши междоусобные войны ни в одно место не уперлись. Трое в лодке, нищета и собаки, ей-богу. Сидите тут на птичьих правах, еще умудряетесь отношения выяснять, психи ненормальные!

ГЕРМАН. Да, Томочка, представьте. Чаю. Очень мы с Серафимой душевно чаёвничали. Я, может, был серьезно настроен, может, у нас чувства были, и вообще, не ваше дело!

ТАМАРА. Как же не моё, если моё? Небось, и жениться хотел?

ГЕРМАН. Не ваше! Не ваше! Может, и хотел!

ЛИДА. А-а-а, так ясно же всё. Седина в бороду, бес в ребро? Ну-ну, Герман Борисыч. Вы Серафиме если еще могли что-то запудрить, то вот нам-то уж и не надо, ладно?

ТАМАРА. Лидка, смотри, а? Песенки блюмкает в хоре занюханном, а форсу, как у павлина из филармонии.

ЛИДА. Вот кто больше всех на Серафимину жилплощадь зарился. Хотел бабулю захомутать, Казанова. Не стыдно? Да она в матери вам годилась, Герман Борисыч!

ВАЛЯ. У-о-о-ы!

ЛИДА. Правильно, Валюша. Я тоже так думаю. Альфонс и есть.

Таня хихикает. Потом смеется громче. Потом хохочет в полный голос, запрокинув голову. Присутствующие непонимающе смотрят на нее. Снова гудит.

ТАНЯ. Какие вы все тут... Не могу. Подобрались соседи. Да у меня в общежитии таких кадров не было. Я не говорила, что всю жизнь в общежитии коридорного типа прожила? Ладно, не всю жизнь, ну, двенадцать лет. А до этого – в детском доме. Нам квартиры дать обещали. А дали общежитие, мол, денег нет, но вы держитесь, на общей кухне за котлеты голову друг другу отгрызайте, тараканы. Я с детства мечтала, чтобы у меня свой угол был. Свой, понимаете? Нет, вы не понимаете. В детдоме восемь человек в комнате, твой только кровать и тумбочка с инвентарным номером. И на подушке с одеялом тоже инвентарный номер напечатан, и нет ничего твоего, всё государственное. А общежитие коридорного типа – это когда дверь в общий коридор, кишку такую длинную, где дети, собаки, алкаши всякие вперемешку. И душ один на пять этажей. Я после смены прихожу, на кровать падаю и беруши втыкаю, чтобы хоть немного отоспаться, а потом снова в свой сраный приемник топтать и жизни таких уродов, как вы, спасать. У вас своё. Херовое, но своё, а вы еще недовольны, вам больше надо. Помирать скоро, а им больше. Да куда хоть? Вам куда, Тамара Степановна? Жить-то два понедельника осталось, а туда же. И вы, Герман Борисыч. А вы, Лида, хоть и моложе, а всё равно такая же, срослась с домом, с квартирой этой задрипанской. Хотела бы съехать – так съехала бы, так нет, у тебя свой сорт кайфа – говорить, как тебе тут плохо, какие вокруг все гады и сволочи, стонать. И не делать ни-хе-ра, кроме обоев! А вы знаете, как я квартиру эту получила? А вы не знаете. Но страсть, как узнать хочется, правда? Что молчите? Ну? Помните, может, как Серафима Витольдовна с почками мучилась? Даже в стационаре лежала, помните, да? А кто её принимал? А я и принимала. Никитина Татьяна Павловна. И ходила за ней, и утки носила, и уколы ставила. Пришел кто из вас к ней? Не пришел. Молчите, да? Ну и молчите. Правильно делаете. Вы все хотели квартиру у нее отжать, сволочи, а я не хотела. Она меня внучкой звала. Я бабушку хотела спасти. Выходила ее, домой отправила, а она возьми да помри. Я не знала даже. Жила себе, а тут юрист звонит: «Татьяна Павловна, такие дела».

Гудение раздается особенно громко. Оно будто бы заполняет собой всё пространство: внизу, в стенах, за окном, под потолком. Начинают трястись предметы, дом ходит ходуном, белой пылью сыплется с потолка штукатурка. Валя обнимает Жоржа. Герман, Тамара и Лида надвигаются на Таню.

ТАМАРА. Вот! Мечется душенька Симиная, значит, и правда...

ГЕРМАН (*хватает со стола фотографический женский портрет и выставляет перед Таней*). Посмотрите в глаза Серафиме Витольдовне!

ТАМАРА. Признавайся, блядища!

ТАНЯ. Да в чем?!

ТАМАРА. Накапала ей там в своей богадельне отравы в капельницу, или в шприц намешала дюрью какое. Со свету сжила! Квартирку её захотела, душегубка? Знаем мы таких. Находят бабулек бесхозных, облизывают, а потом на жилплощадь раскручивают!

ЛИДА. Это ты сама захватчица, рейдерша больничная.

ГЕРМАН. А нам тут еще плакалась, себя выгораживала. Не дураки мы!

ТАНЯ. Руки уберите! Дураки вы, дураки и психи, уроды ненормальные!

ТАМАРА. Герман, дай отвертку!

ТАНЯ. Мама-а-а-а!

Шкаф, которым перекрыт выход в прихожую, начинает трястись, как будто кто-то долбит по нему кулаками, потом раскачивается, потом, не выдерживая чьего-то

напора, падает. Пыль, грохот. В дверном проеме стоит мокрый насквозь САНТЕХНИК. Все замирают. Пауза. Сантехник чихает от пыли, прокашливается, осматривает присутствующих.

САНТЕХНИК. Вызывали? Я долблюсь-долблюсь, даже в окно пробовал. Пришлось в нижней квартире двери ломать и так отсасывать. А... Чего у вас тут соль везде рассыпана? К ссоре же. И вы выходили бы, сейчас тут рухнет всё нафиг. Повезло же под конец смены, итить его в дышло.

Картина 5

Темно, уже ночь. Улица освещается только мигалками. Тут все: пожарные, полиция, скорая помощь, газовики, ассенизаторская машина. Проезд перекрыт красно-белыми лентами, уже собираются зеваки. Шумно. По асфальту разлилось грязное плохо пахнущее озеро. Вместо полурасселенного восьмиквартирного дома – развалины. Сложившиеся перекрытия, дранка, кирпичи, шлакоблоки, какие-то фрагменты мебели. Герман, Тамара, Лида, Валя с плюшевой собакой и Таня рядком сидят на дорожном бордюре. Рядом, на том же бордюре, сидит сантехник. Он расположил на коленях планшетку и что-то пишет. Все, кроме сантехника, молчат.

САНТЕХНИК. А я, главное, приехал на говновозке. Вернее, на ассенизаторе, но как-то знаете, говновозка народу ближе. Приехал, смотрю – уже по улице из подъезда Ниагара хлещет, ё-моё. Весь первый этаж по потолок. Ну, я говновозку, короче, на отсос поставил – она гудит, конечно, а как еще? Смотрю, свет на втором. Я сначала в стенку постучал, а тишина, ну, думаю, не слышат. До окна надо, а лесенки нет, у нас вообще никакого финансирования, муниципальная организация. Ладно, еще говновозка, дай ей Бог здоровья, исправно пашет, а если бы нет? Что, самому качать? Ну, в общем, смотрю – ящик какой-то. Я на него залез, палкой до окна дотянулся, стукнул – и что? И ничего. А в ответ – тишина. Слез, значит, думаю – ну, отсосу, там разберемся. Я человек подневольный, мне дело сделать надо, галочку поставить. И чтобы подписи собственников еще были, а то ведь вызов в оплату не поставят. Пошел, значит, говновозка уже вся под завязку, ревет. Дом ходуном ходит. Сразу смекнул, что развалиться может, вот как щелкнуло в голове: точно, думаю, сколько ему стоять-то, из говна и палок ведь строили. Перекрытия старые, всё ходуном ходит, уже штукатурка сыплется. Там же внизу не фундамент – кисель из щебенки, шутка ли, каждый год моет. Смотрю, вода из одной квартиры хлещет, прям уже по швам, ну, я лом взял, раз нет никого. Выломал. Было бы, что: доски гнилые да дерьмантин. Вы еще вот здесь распишитесь, что претензий не имеете за ущерб. Ага, спасибо. Ну и вот. Вошел, воду перекрыл. Заделал там как мог, и сюда. Дверь на растапашку, главное, а в проходе шкаф стоит. Там уже по стене трещина пошла, всё ходуном, ну, думаю, жизни спасать надо, мы что в аварийке, не люди? Пусть и с говном чаще возимся. Ходя среди людей тоже. Тоже бывает. Ага, и вот здесь еще, пожалуйста, в акте выполненных работ. Воду-то я перекрыл и потоп отсосал, так что всё чин-чином, смену засчитают. У вас тут собственник же менялся? Там потом у нас отметьтесь, чтобы квитанции на нового носили. А хотя дома-то нет. Вы не расстраивайтесь так, главное, живы все. Тем более, его в следующем месяце под снос уже поставили, сколько можно уже. Сколько валандались. А тут сам – технику лишний раз гонять не надо, тоже экономия. Вам что, извещения не приходили? Там, вроде как, в новостройках что-то дают, вы уточните в администрации. Программа переселения из ветхого и аварийного жилья. Заживете. Ну, я пойду. У меня смена – всё, а еще говновозку в гараж гнать. Хорошего вечера.

Сантехник убирает планшетку за пазуху и идет к двери, переступая через разрушения. Перешагивает через обломки, перепрыгивает через ручейки, тянущиеся от

дома. Через некоторое время раздаётся звук запущенного двигателя ассенизаторской машины, прощальный гудок и веселое рычание выхлопных газов. Где-то капает вода.

ЛИДА. Вот и всё.

ГЕРМАН. Вот и всё.

ВАЛЯ. Аы-ы-и...

ТАМАРА. Домик мой. Родненький мой домик. С шестьдесят восьмого вить. Палисадничек раньше тут такой был, мы в нем где картошечку, где помидорку грунтовую. Так и жили. У меня же, кроме Симки, никого почитай и не было. Я бобылихой, она своего схоронила. Всю жизнь вместе. Нас вся администрация знала. Говорят: «Зачем вам козырек, дом аварийный, ждите квартиры». А нам квартиры не надо было. Зачем, если вот оно всё, пусть херовое, пусть дюрьюмо хлещет, но своё же. Капремонт просили, по судам бегали. Мы же все тут, рядышком, куда нам?

Пауза.

ТАМАРА. Пусть ругались, и что? Где не ругаются-то? У нас же на втором пустота: разъехались. Кто квартиру выбил, кто просто. А Сима преставилась. Так у тех семьи были, а мы сами по себе, но в одном котелочке. Герман Борисыч всё из себя артиста корчил. Человек искусства, как же. Думаете, не знал никто, что вы у Симы по одной вилке серебряной воруете? Ага, держи карман. Знали. В ломбард носил, а потом водку пил, романсы пел и плакал. Стены-то как картонка. Или Лидка вон. Хорохорилась всё, кричала, что жить тут не может, мужиков водила. Один её даже замуж звал, жэ-о, жилищно-обеспеченный, между прочим, а она не пошла. Всё Федьку по ночам звала, в подушку выла. Валька юродивая кому вообще нужна будет? Ее в инвалидный дом упекли бы при расселении. Жалко же. А вот туточки мы рядышком. Мы тут все, как на ковчеге. Внизу вода хлещет, или что похуже, а мы здесь. Ну, дали бы квартиры, и что? Я к кому там пойду? Кому слово скажу? В прошлом году, когда дюрьюмо хлестало, пришли, помню, а Сима нас с пирогами встречает. И говорит: «Нет у нас никого, кроме нас самих». А теперь и дома нашего нет, ничего нет, ничего!

Тамара всхлипывает, потом начинает выть в голос, как плакальщицы на похоронах. Ей сначала вторит Валя, потом присоединяются Герман с Лидой. Так и сидят в обнимку, воют, неизвестно что оплакивают. Таня встает, пошатываясь, идет к развалинам. Ходит там, как пьяная. Натыкается на фотографический женский портрет с черной лентой, рукавом стирает с него пыль. Стекло рамки разбито. Находит где-то свой грязный, обсыпанный кусочками кирпича и побелки рюкзак, открывает. Достает чудом уцелевшую бутылку шампанского, шуришит золотинкой. Хлопает пробка. Таня пьет прямо из горлышка, кашляет от противных теплых газов, пошедших носом, снова пьет. Бросает бутылку в развалины. Идет к воющим Тамаре, Герману, Лиде и Вале.

ТАНЯ. Вставайте. Слышите вы? Ну?

Таня тормошит соседей, поднимает их на ноги, отряхивает их от пыли и грязи.

ТАНЯ. Тамара Степановна, хватит уже блажить, уши закладывает, ей богу. Герман Борисыч, выть так в хоре в своем будете.

Тамара достает из кармана огромный, как парус, клетчатый носовой платок, трубно сморкается. Герман растирает по пыльному лицу дорожки, оставленные слезами, откашливается. Валя и Лидка продолжают стенать. Таня решительно отпихивает их друг от друга. Вале вытирает нос полый её же халата. Вручает забытого на бордюре Жоржса,

нажимает ему на пузо. Раздается механическое «I love you». Валя радостно мычит, улыбается. Лиде Таня просто дает пощечину и та, наконец, замолкает.

ТАНЯ. Так, граждане, все внимательно слушают меня! Тамара Степановна, курите. Уже можно. Сейчас вы все вытираете сопли, берете ноги в руки и идете за мной.

ГЕРМАН. Куда, Танечка?

ТАМАРА. По́ миру?

ТАНЯ. Успеется, Тамара Степановна. Вы хоть и ненормальные все тут, но ведь на улице не бросишь. Совсем как-то не по-людски. В общагу ко мне пойдём. Познакомлю вас с местными. Они тоже долбанутые там все – общий язык найдете. Ну? Герман Борисыч, вы что там откапываете? Золото партии?

Герман, копошащийся в развалинах, наконец, извлекает из них ялтинского слона с отбитым хоботом. Откинув в сторону разбитую раму, находит горшок с геранью. У него отколот один край, пара листьев сломана. Догоняет уже бредущих по дороге Таню, Тамару, Лиду и Валю. Уже рассветает.

Конец

20-23 декабря 2022 г., Серов